
ЧАСТНЫЕ МЕТОДИКИ И ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ

SPECIAL TECHNIQUES AND TECHNOLOGIES OF EDUCATION

УДК 372.881.161.1

ББК 74.261.3

Б 14

Х.З. Багирок

Доктор филологических наук, доцент кафедры русской филологии Адыгейского государственного университета; E-mail: bagirokov@adygnet.ru

УЧЕТ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В АДЫГЕЙСКОЙ ШКОЛЕ (ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ)

(Рецензирована)

Аннотация. В работе рассматриваются лексико-семантические интерферентные отклонения в речи учащихся национальной адыгейской школы, устранение которых способствует повышению культуры их русской речи.

Ключевые слова: интерферема, интерференция, билингвизм, билингвальная паронимия, исходный язык, вторичный язык, эксплицитность, имплицитность.

Kh.Z. Bagirokov

Doctor of Philology, Associate Professor of Russian Philology Department, Adyghe State University; E-mail: bagirokov@adygnet.ru

THE ACCOUNTING OF THE INTERFERENCE IN THE COURSE OF TRAINING TO RUSSIAN AT ADYGHEAN SCHOOL (LEXICAL-SEMANTIC LEVEL)

Abstract. This work examines lexical-semantic interferent deviations in speech of pupils of the Adyghean national school, elimination of which promotes increasing culture of their Russian speech.

Keywords: interfereme, interference, bilingualism, bilingual paronymy, source language, secondary language, explicitness, implicitness.

Процесс овладения русским языком в социально значимом аспекте распадается на три основных этапа, которым соответствуют три формы реализации русского языка в речи адыгейцев. Каждая характеризуется различной степенью сложности, синкретичности и интенсивности проявления интерференции, а также регулярностью-нерегулярностью отклонений от норм

русского языка в одной и той же лингвистической позиции на фонетическом, лексико-семантическом и грамматическом уровнях. На первом этапе мы выделяем коммуникативно-значимую, сложную, синкретичную и регулярную интерференцию, а во второй нерегулярную и коммуникативно-незначимую интерференцию. Первую и вторую формы объединяет эксплицитность нару-

шений норм вторичного языка (ВЯ). В третьей форме интерференция носит имплицитный характер, т.е. не имеет формально-грамматических и др. признаков, а отступления от норм ВЯ отмечаются лишь на стилистическом уровне. Естественно, стилистическая интерференция может оказаться значимой с точки зрения использования функциональных речевых стилей. Когда мы говорим о коммуникативной незначимости или отсутствии значимой интерференции, то мы имеем в виду то, что данное речевое высказывание не нарушает норм, predeterminedенных системой ВЯ, что оно представляет собой законченное высказывание, построенное по законам ВЯ, что мысль нашла своё речевое оформление. Под регулярной интерференцией мы понимаем систематическое отклонение от норм ВЯ в одной и той же лингвистической позиции. Если интерференция в этой позиции проявляется спорадически, то мы её считаем нерегулярной.

Принципиальное признание различной степени владения ВЯ, а также наличие нескольких переходных форм билингвизма дают возможность квалифицировать реальную второязычную речь на основе лингвистических дифференциальных признаков. Единицей измерения различных степеней интерференции является интерферема, которая может быть простой, сложной, разноуровневой, синкретичной и множественной [1, с. 12].

Простая интерферема — это такая минимальная лингвистическая единица отклонения от норм, которая проявляется на одном уровне речи при реализации отдельных элементов фонетической, лексической, грамматической или стилистической систем ВЯ. Подобная интерференция обычно проявляется на более высокой ступени владения ВЯ. Например, фонетическая простая интерферема присутствует в следующих речевых произведениях: *Все дружно подмели и вымыли* (вм. вымыли) *полы; Нам сказали, что мы должны пробежат* (вм. пробежать) *два круга*. В высказывании *«Каждую главу я перечитал множество* (вм. много)

раз» отмечается лексическая простая интерферема.

Сложная интерферема — это такая лингвистическая единица отклонения от норм ВЯ, которая состоит из двух и более нарушений на одном каком-либо уровне речи: *«Любить человека за внешности* (вм. внешность) *равносильно тому, что любить книгу за красивую обложку, не зная его содержанию* (вм. содержания). В данном высказывании дважды нарушена система падежного управления: 1) билингв использует род.п. существительного вместо вин. падежа; 2) дат.п. вместо род.п. Следовательно, перед нами сложная интерферема на синтаксическом уровне, характерная для адыгейца-билингва.

Синкретичная интерферема — это такая лингвистическая единица отклонения от норм ВЯ, которая включает в себе одновременно два и более нарушения на одном каком-либо уровне или на нескольких уровнях речи. Подобная интерференция обычно отмечается на морфологическом и синтаксическом уровне, на словообразовательном и лексическом, на лексическом и фонетическом уровнях. В высказывании *«Мама подарила новый чашку»* адыгеец-билингв нарушил управление и согласование зависимой словоформы (*новый* вм. новую), употребив им.п. вместо вин.п. и придав прилагательному категорию мужского рода. Или: *«Отец бил* (вм. был) *на стройке»*. Нарушение фонетического облика ведёт к лексико-семантической интерференции.

Разноуровневая интерферема — это такая лингвистическая единица отклонения от норм ВЯ, которая содержит в себе нарушения на разных уровнях речи. Например, в речевом произведении адыгейца-билингва *«Родина наградила* (вм. наградила) *своих сыновей высокими орденами* (вм. высшими орденами или высокими наградами) *за их честность, храбрость и смелость»* вместо совершенного вида глагола билингв использовал несовершенный вид (морфологический уровень) и неверное сочетание слов.

Множественная интерферема — это такая лингвистическая единица

отклонения от норм ВЯ, которая состоит из двух или более типов интерференции: сложной и синкретической, сложной и разноуровневой и т.д. Подобная интерференция наличествует в русской речи адыгейцев-билингвов на начальном этапе изучения ВЯ.

Природа возникновения интерференции обусловлена различными причинами. Можно выделить различные типы интерференции: 1) интерференция, обусловленная отсутствием в ИЯ фонем и грамматических категорий ВЯ; 2) интерференция, обусловленная частичным расхождением одной и той же грамматической категории, звуковой и лексико-семантической систем обоих языков; 3) интерференция, обусловленная влиянием грамматических категорий и фонем ИЯ, отсутствующих в ВЯ; 4) интерференция, обусловленная наличием вариантных способов реализации одних и тех же лексических значений, фонем, грамматических значений и категорий ВЯ. Три первых типа интерференции составляют область межъязыковой интерференции или потенциальное поле интерференции, обусловленной полным или частичным различием фонетической, лексико-семантической, грамматической систем ИЯ и ВЯ, а четвертый тип составляет область внутриязыковой интерференции.

Различие в парадигматических и синтагматических связях адыгейского и русского языков накладывается на различие или отсутствие грамматических категорий и наоборот. Это обуславливает сложный характер интерференции во ВЯ билингвов, так как ни одна языковая единица сама по себе не принадлежит в речи только одному какому-то ярусу языка, а является одновременно по существу единицей всех уровней языка, именно поэтому только во ВЯ является реальностью сложного взаимодействия систем контактирующих языков.

По грамматической структуре слова контактирующие языки относятся к двум различным группам языков: русский к флектирующей группе языков, адыгейский — агглютинативно-флективным. В флектирующих язы-

ках, к которым относится русский, грамматические формы слов образуются с помощью внутренней и внешней флексии. Отдельные составные части слова в флектирующих языках слиты в одно целое сравнительно прочно; тесно сливается с основной морфемой также и флексия, так что разложение слова на составные части оказывается весьма трудным: *вкус, понедельник* и т.д. Кроме того, каждый аффикс вместе с корнем выражает не одно, а комплекс грамматических значений. В слове *гостей, друзей* флексия — *ей* служит для выражения значения числа и падежа. Агглютинирующие и агглютинативно-флективные языки характеризуются образованием форм отдельного слова путем присоединения к нему ползнаменательных частиц-прилеп. В агглютинирующих языках аффиксы соединяются с корнем слова почти механически, не составляют с ним тесного единства и носят аналитический характер. Каждый аффикс в адыгейском языке является носителем одного грамматического значения, сохраняя его на протяжении всей парадигмы: *четы-р* (курица), *-четы-хэ-р*, *-четы-шхо-хэ-р*, *-четы-шхо-хэ-м-к1э*; *чэмы-р* (корова) — *чэмы-хэ-р*, *-чэмы-шхо-хэ-р*, *-чэмы-шхо-хэ-м-к1э* и т. д. Однако различие морфологической структуры контактирующих языков заключается не только в этом. Специфические особенности сопоставляемых языков в области морфологии сводятся к тому, что в ИЯ совсем отсутствуют некоторые грамматические категории ВЯ. Так в адыгейском языке нет грамматической категории рода: употребление одного грамматического рода вместо другого, т.е. отсутствие родовой дифференциации имен существительных «*Дерево была большая; Твоя путь шла в другую сторону*». Неправильное определение рода существительного, как отмечает З.У. Блягоз, «влечет за собой ошибки в склонении существительных, в согласовании прилагательных, порядковых числительных, притяжательных местоимений с существительными, вида глагола» [2, с. 34]: *Избиратели хотели выбрать его депутатом*;

Дождь освежит (вм. освежает) *природу*. Разнообразные видовые значения русских глаголов в адыгейском языке передаются сложной системой глагольных временных форм. Этим объясняются ошибки в употреблении глаголов совершенного и несовершенного вида. Наиболее часто встречающиеся ошибки: 1) смешение форм будущего времени; образование от глаголов совершенного вида форм будущего сложного; 2) наоборот, от глаголов несовершенного вида-форм будущего простого (второе сравнительно редко) и т.д.; 3) неправильное употребление в речи категории притяжательных прилагательных: *Между участниками соревнований шла жесточенная* (вм. упорная, напряженная, острая) *борьба*.

Следует отметить, что в адыгейском языке нет предлогов. Значения русских предлогов в адыгейском языке передаются разными способами: аффиксами в глаголе, порядком слов в предложении и послелогом. Русские предлоги могут быть переведены на адыгейский язык с помощью послелогов, а также и без них. Послелог, в отличие от русских предлогов, обычно стоит после знаменательных слов. Но их отличие от предлогов заключается не только в этом. Русские предлоги связаны с определенными падежами и глаголами, требующими после себя предложного управления, а адыгейские послелог не выполняют таких функций, т.е. не требуют изменения формы того слова, после которого они стоят. Исключения составляют отдельные случаи наличия связи послелога и глагольного управления. Послелог адыгейского языка еще не до конца отдифференцировались от тех частей речи, от которых они образовались. Многие послелог не утратили своего конкретного значения, т.е. значения тех слов, от которых они произошли. Поэтому большинство из них выступает и как послелог, и как знаменательные слова. В русском языке наиболее древние, так называемые «первообразные» предлоги, полностью грамматикализовались. Полуфункциональность русских предлогов, их большая абстрактность, отсутствие адекват-

ности адыгейским послелогам создают дополнительные трудности в процессе их усвоения адыгейцами-билингвами.

Ошибки в употреблении предлогов адыгейцами-билингвами делятся на четыре основные группы: 1) пропуск предлогов: *Девочки любили играть* (в) *куклы*; 2) неумение подобрать нужный предлог встречается чаще, чем пропуск предлогов: *Шумаф и Соня встретились в* (на) *экзамене*; 3) неправильное употребление падежа изменяемого слова, зависящего от предлога, объясняется слабым знанием системы склонений имен в целом; взаимосвязи предлогов и косвенных падежей, тесной связи тех и других с категорией грамматического рода: *Около кафедры* (около кафедры) *сидит пожилой профессор*; 4) избыточное употребление предлогов, оно обусловлено слабым знанием взаимосвязи предлогов и косвенных падежей, предлогов и глагольного управления и, наконец, тем обстоятельством, что беспредложная конструкция ВЯ нередко бывает функционально близкой послеложной конструкции адыгейского языка: *Матч закончился в победу* (победой) *сборной России* и т.д. Помимо этого, общие для обоих языков грамматические категории в русском языке проявляются в одних грамматических формах, в адыгейском — в других: русские предлоги и адыгейские послелог, формы выражения множественного числа в русском и адыгейском языках (в русском языке для выражения одного значения множественного числа используется несколько аффиксов *ы, и, а* и т.д.; в адыгейском — аффикс *хэ-р*). Источниками появления грамматической интерференции, в частности и морфологической, в русской речи адыгейцев являются подобные различия в морфологии контактирующих языков. При объяснении причин типичных отклонений в грамматическом оформлении мысли билингвом на русском языке мы будем обращаться к особенностям адыгейского языка.

Таким образом, интерференция в ВЯ может быть обусловлена, во-первых, различием в строе языка, во-вторых, сложным характером взаимодействия

в речи единиц ИЯ и ВЯ. Результатом этого взаимодействия в русской речи адыгейцев и является преимущественное использование начальной формы русских слов. И это является характерной чертой русской речи адыгейцев в начальной фазе овладения русским языком. Однако эта причина лежит на поверхности, потому что типологическое различие строя русского и адыгейского языков, безусловно, представляет собой потенциальное поле интерференции. Глубинной причиной интерференции при использовании, например русских имен, является наличие двух важнейших свойств парадигматики русских имен существительных, обуславливающих так называемое «смещение» падежей в русской речи адыгейцев. Во-первых, тот или иной падеж русских имен существительных способен выражать различные значения: объектные, определительные, субъектные, обстоятельственные, то есть каждый падеж представляет уже сам по себе сложную систему значений. Во-вторых, объектные, определительные, обстоятельственные значения не закреплены за каким-то одним падежом, а могут выражаться и другими падежами, то есть перед билингом предстает широкое поле формальных средств для выражения, например, одного и того же объектного значения. Адыгеец-билингв не всегда выбирает правильный путь, так как «падеж предстает не как изолированная грамматическая единица со своим собственным семантическим строением: он определенным образом относится к другим падежам, находится в сложных отношениях с ними. ... В составе парадигмы падежи оказываются в отношениях взаимной и необходимой связанности единиц, объединенных в законченное множество» [3, с. 483]. Поэтому на начальных этапах развития адыгейско-русского двуязычия вряд ли можно говорить о смешении каких-то падежных форм в русской речи билингва, так как смешение грамматических форм наблюдается только в том случае, если в одной и той же грамматической позиции билингв использует как правильные, так и неправильные формы.

В начальный период овладения словарным составом ВЯ нехарактерные для ИЯ звуки, звукосочетания, длина фонетического слова приводят к явлениям протез, эпентез, к опущениям и заменам звуков, а также к явлениям недодифференциации и сверхдифференциации фонем ВЯ под влиянием звуковых законов ИЯ. Так исконно адыгейские слова не начинаются с гласных, поэтому в русской речи адыгейцев-билингвов перед гласными иногда появляется абруптивный ларингальный смычной — *l*: *lanэ*–палец, *гуцыl*–слово; в русском языке: оборона–*lэбэ*рона, отчет–*lэт*чет, Адамий–*lадэ*мый и т.д. Наличием в фонетической системе адыгейского языка придыхательных согласных объясняется произношение русских глухих согласных адыгейцами-билингвами с усиленным придыханием: *факht* «факт», *машhина* «машина», *кhак* «как» и т.д. Однако подобная сверхдифференциация данных звуков, хотя и создаёт характерный акцент, не влияет на смыслоразличительную функцию данных фонем, так как в ВЯ не имеется абруптивный ларингальный смычной фонемы и оппозиционной придыхательной фонемы. В то же время недодифференциация фонем по признаку мягкости не может оказать влияние на смысл высказывания, т.е. возникают омонимические отношения. Например, использование слов *сэр* вм. *сер*, *угол* вм. уголь. Фонетическая интерференция в русской речи адыгейцев на начальном этапе овладения ВЯ проявляется также путём прибавления, вставок, замен и опущения звуков, если в словах ВЯ встречаются скопления согласных звуков: буквенное произношение в речи адыгейцев в сочетаниях звуков *зд* «поздний, праздный, праздник»; *лн* «солнце, солнцепек» и т.п.; сочетания *дж*, *дз* в русской речи адыгейцев-билингвов нередко заменяется адыгейскими аффрикатами *дж*, *дз* или проносятся как двуфонемные сочетания «*d+ж*», «*d+z*»: *Джерокай*, *Джеджехабль* и т.д.; в ИЯ редко встречается стечение согласных *чт*, *пр*, *зн* и др. (если и появляется такое сочетание, то на стыке морфем). Этой фонетической особенностью

адыгейского языка объясняется появление редуцированных гласных *ы* и *и* между согласными: *жизынь* «жизнь», *читение* «чтение» и т.д.

В русской речи адыгейцев лексико-семантическая билингвальная паронимия имеет место, когда: 1) сближает стилистические или лексико-стилистические синонимы самого русского языка и использует их немотивированно в каком-либо стиле речи (ср. разг.-прост. *поставить* вм. офиц.-делов. *назначить*); 2) сближает слова разных синонимических рядов (*попадаться* вм. встретиться, *собирать* вм. проводить (конкурс), *воздвигает* вм. строит, *выращивает* вм. производит); 3) сближает однокоренные слова, имеющие разные значения (*середина* вм. среди, *начало* вм. сначала, *написать* вм. писать и др.).

Первый тип лексико-семантической билингвальной паронимии обусловлен влиянием русского просторечия и южнорусского говора и чаще встречается в русской речи адыгейцев-билингвов: *Аслан ложит* (вм. кладёт) *инструменты в сумку*; *Ложит* (вм. кладит) *книги на парту*; *Он обратно* (вм. опять) *нарушает распорядок дня*. В сельской местности подобная интерференция более регулярна, чем в городе. В русской речи горожан-билингвов подобная интерференция становится нерегулярной, но заметней становится влияние официально-деловой, профессиональной лексики в непринужденной речи билингва.

Второй тип лексико-семантической паронимии имеет место в адыгоязычных районах республики (Теучежский, Кошехабльский, Шовгеновский), т. к. на более высокой ступени адыгейско-русского двуязычия билингв уже проводит более чёткую дифференцию семантики используемых русских слов, что обычно связано с высоким образовательным и культурным уровнем носителей двуязычия (сельские учителя, врачи, служащие и т.д.). Наиболее устойчивым в русской речи является третий тип лексико-семантической паронимии, т. к. билингв не может провести чёткую границу между словообразо-

вательными и формообразовательными морфемами ВЯ, так как одни и те же морфемы могут выполнять в разных словах обе служебные функции. Чаще всего наблюдается интерференция при использовании приставок *с-*, *на-*, *во-* (*вы*), *по-*, *про-* и др.: *Они должны были плыть* (вм. проплыть) *500 метров*; *Азамат должен писать* (вм. написать) *заявление*; (ср. *списать*, *написать* *вписать*, *выписать*, *пописать*, *прописать*; *сходить*, *находить*, *входить*, *выходить*, *походить*, *проходить* и *сделать*, *наделать*, *вделать*, *выделать*, *подделать*, *продделать*). Связано это с тем, что деривационные значения русских служебных морфем абстрактны и, в отличие от аналогичных значений морфем родного языка, полифункциональны, т.е. нет какой-то определенной закреплённой связи с вещественным значением корневой морфемы.

Третий тип лексико-семантической интерференции в определенной мере граничит с лексико-грамматической интерференцией, которая сочетает в себе одновременно отклонения от лексико-семантических и грамматических норм ВЯ. Если собственно лексико-семантическая интерференция не искажает основную мысль (естественно, до определенного предела) адыгейца-билингва, то лексико-семантическая интерференция, сопровождаемая отклонениями от норм грамматического словоупотребления, чаще всего приводит к двусмысленности, искажению мысли. Например, *радикулит болел* вместо «*болел радикулитом*» или «*радикулит беспокоил*»; «*Потом я тоже решил сюда поехать*» вместо «*Потом я тоже решил сюда приехать*» или точнее «*Потом я тоже решил туда поехать*»; *У неё на шее висели драгоценные кольца* вместо «*У неё на шее висело (было) драгоценное ожерелье*».

Когда индивид овладевает достаточным количеством материальных средств, в основном лексическими единицами ВЯ, когда в процессе общения он достигает понимания предмета речи, но затрудняется выразить свою мысль речевыми коммуникативными единицами ВЯ, использование тех или иных

слов чаще всего сопровождается мимикой, жестами, которые несут основную коммуникативную нагрузку для достижения взаимопонимания. При этом паралингвистические средства приобретают свою коммуникативную функцию только в сочетании с грамматически неоформленными лексическими единицами. Взаимопонимание между участниками общения может быть достигнуто в большей мере, если они используют в своей речи слова со значением действия, общий лексический фонд адыгейского и русского языков. Для индивида на начальном этапе

формирования двуязычия основой для овладения ВЯ является его лексический фонд, фонемный и звуковой состав ИЯ и ВЯ. Идентификация вновь усвоенных или одних и тех же лексических единиц и паралингвистические средства могут помочь индивиду совершить примитивный, невербальный коммуникативный акт для достижения взаимопонимания в ситуации общения, так как процесс мышления билингва требует нового осмысления системных отношений словарных единиц, их сочетаемости и соотношения с речевой практикой.

Примечания:

1. Хашимов Р.И. Таджикско-русское двуязычие (социолингвистический аспект): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Душанбе, 1986. С. 12.
2. Блягоз З.У. Адыгейско-русское двуязычие: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киев, 1980. С. 22.
3. Русская грамматика: в 2 т. Т. 1. М., 1980. С. 483.

References:

1. Khashimov R.I. Tajik-Russian bilingualism (sociolinguistic aspect): Dissertation abstract for the Doctor of Philology degree. Dushanbe, 1986. P. 12.
2. Blyagoz Z.U. Adyghe-Russian bilingualism (sociolinguistic aspect): Dissertation abstract for the Doctor of Philology degree. Kiev, 1980. P. 22.
3. Russian Grammar: in 2 v. V. 1. M., 1980. P. 483.